

При кафедре активно занимаются научно-исследовательской деятельностью в интересах военной практики сотрудники лаборатории общественного анализа и социологических исследований Министерства обороны республики (В. М. Макаров). В лаборатории проводятся исследования проблем морально-психологической подготовки, воинской дисциплины, боевой готовности и боеспособности, морального состояния офицерского состава, взаимоотношений и конфликтов между военнослужащими и др.

Развитие военной психологии и педагогики во многом зависит от их военно-научной основы, которую составляют положения военной доктрины и военной науки. Достаточно продолжительное время в республике уточняются концепция военного строительства и содержание военной доктрины, что в значительной степени сдерживает психолого-педагогические исследования профессиональной подготовки военных специалистов к возможным боевым действиям.

Вместе с тем военная психология и педагогика позволяют оптимизировать реформирование вооруженных сил Республики Беларусь на завершающем его этапе. Они могут значительно повысить боевой потенциал армии. Для этого целесообразно усилить самостоятельность их, приблизить к военной практике, по-новому определить теоретико-методологические принципы, создать единый координационный центр военно-психологических и педагогических исследований.

Я. Л. Коломинский, Т. И. Краснова

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ)

В условиях современной экспансии психологов в социальном пространстве особую проблемность приобретает самая малозаметная до недавнего времени сфера – психологическое образование.

Проблема психологического образования в республике Беларусь на сегодняшний день имеет свою историю. Всего 10 лет назад основными географическими точками подготовки и переподготовки белорусских психологов были МГУ и ЛГУ как центры "взращивания" психологической интеллектуальной элиты всего советского пространства. В самой Беларуси такими оазисами психологической культуры были кафедра психологии Белорусского государственного университета и кафедры психологии Минского педагогического института.

Сегодня ситуация кардинально изменилась. Прежде всего она изменилась в институциональном плане: увеличилось число площадок, готовящих психологов (Европейский гуманитарный университет, Институт современных знаний. Энвила.

Белорусский коммерческий университет управления. Гуманитарно-экономический негосударственный институт и др.); увеличился набор студентов; расширился диапазон учреждений-заказчиков разных типов психологической деятельности и т. п. Более того, психологическое образование стало своего рода "рекламной приманкой" слушателей для многих государственных и коммерческих учебных заведений, курсов, семинаров и т. п. (Сегодня оформилась своеобразная мода на психологическое образование: некоторые студенты старших курсов говорят о том, что психология для них это хобби, занятие для души, "для себя, а не для профессии") Также в этом контексте мы можем зафиксировать факт формирования "теневой психологии", спекулирующей на общественном интересе и потребности в психологической помощи (об этом свидетельствуют всякого рода квазипсихологические мероприятия, объявления о которых публикуются как в средствах СМИ, так и просто развешиваются "на столбах").

В этой плоскости рассуждений можно фиксировать новые требования, предъявляемые сегодня к психологическому образованию:

- создание своей белорусской традиции подготовки специалистов на основе приоритетных концепций белорусской психологии;
- расширение видов деятельности, к которым ведется подготовка будущих психологов (преподавателей психологии не по записи в дипломе, а по существу деятельности; исследователей, работающих в разных исследовательских парадигмах; практиков разных типов и т. д.);
- разработка стратегий психологического образования для разных возрастных и профессиональных групп;
- ответ на вопрос, к работе в какой и с какой социокультурной реальностью должен готовиться психолог и т. д.

Изменившаяся (прежде всего внешним образом) ситуация (проходившая под лозунгом "даешь больше психологов") сталкивается сегодня с тем фактом, что существующие учебные программы и планы психологического образования в своем большинстве ориентированы прежде всего на подготовку академического психолога, психолога-исследователя; учебные предметы – проекции отраслевой и предметной структуры психологического научного знания; статус психологии как науки в принципе не проблематизируется (за отдельными исключениями) и т. д.

Весь этот перечень, сформулированный в формально-организационном дискурсе, должен быть переписан и в дискурсе более содержательной постановки проблемы.

Актуализация проблематики психологического образования заставляет пересматривать и проблематизировать уже существующие традиции:

- сам способ размышления о психологическом образовании;
- полагаемые в них цели и способы их задания;
- полагание содержания психологического образования как суммы знаний, а точнее информации;
- практикуемые методы и формы обучения и т. д.

Что сегодня мы как преподаватели психологии "делаем" со студентом? Преимущественно транслируем научные понятия, которые смешиваются с житейскими представлениями студентов, формируя мышление в синкретах и комплексах. Такое мышление представляет собой некоторое "эклектичное смешение", в котором не выдержаны границы между разными ценностно-мировоззренческими, научно-методологическими, прагматическими аспектами разных типов психологического знания как оформленности психологической реальности. Транслируемая информация, по выражению студентов, есть оторванная от практики теория (а какая теория должна быть у практической психологии, и какая практика у академической психологии является открытым вопросом для психологического сообщества). Мы не учим даже классической исследовательской деятельности (это в ситуации, когда уже оформились разные методологические программы исследований, разные типы научности, разные типы рациональности). Студенты "жонглируют" психологическими понятиями (пресловутый "вербализм" образования) и оказываются не чувствительными к психологическим феноменам, фиксируемым в этих понятиях и т. д., и т. п.

В настоящее время в белорусской психологии разрабатывается несколько проектов психологического образования (Я. Л. Коломинский, А. А. Полонников и др.). Один из них – это проект "психологическая культура как цель психологического образования", разрабатываемый под руководством Я. Л. Коломинского.

Этот проект представляет собой попытку реализации культурологического подхода к проблеме психологического образования. В его основе лежит заявленная впервые концепция психологической культурологии. Данный способ размышления ставит ряд принципиальных вопросов.

В нем ставится проблема оправданности полагания науки (научного типа знания) как материала для проекции содержания современного образования (вообще и психологического в частности), поскольку наука является лишь одной из форм культуры. Насколько сегодня наука может рассматриваться как безусловный приоритет по отношению к другим культурным формам? Данный вопрос приходится обсуждать в контексте смены представления о формах научности, рациональности как философско-методологических категориях, от полагания и использования которых зависит результат проектирования той или иной образовательной практики. С другой стороны, он заставляет рефлексировать структуру психологического знания. Насколько транслируемая в большинстве случаев академическая психология является собой научный тип знания, о какой научности можно говорить в данном случае, только ли этим типом знания на сегодня располагает психология?

Такая постановка требует и своеобразной переинтерпретации психологии как феномена культуры: как ее *факта* (вопрос о социокультурной опосредованности психологии – феномен Фрейда как продукта эпохи Просвещения с верой в силу знания/осознания) и *акта* (вопрос о культуропорождающей функции психологии –

"появление", конструирование таких типов неврозов, которых до разработок Фрейда либо не существовало, либо не рефлексировалось).

Важным для данного подхода является полагание как принципиальной для образования категории психологического опыта субъекта образования (феномен "психологической преобразованности", доконцептуального слоя психологической культуры). Сегодня достаточно распространены мнения о том, что получаемое в классическом психологическом образовании знание и т. п. должно переноситься студентом в собственную реальность, становиться так называемым личностным и т. п. Встает вопрос, как это возможно? Построены ли в образовании такие мостики? Как, говоря о "всеобщем" без трансляции средств переноса, возможен разговор о "единичном"? Иными словами, процедура работы студента с собственным психологическим опытом чаще всего выносится за рамки аудитории и дается на откуп домашней, самостоятельной работе. Один из парадоксов психологического образования состоит в том, что разговор с "носителями" психологической реальности о ней строится из абстрактной вербальной действительности. В этом смысле психологический опыт – это не психологическое прошлое (хотя и оно), это инициированная "объективированная" форма тех или иных психологических реалий, (которых может и не быть в прошлом субъекта), экспликация, обнаружение, трансформация которых и может рассматриваться как психологическое образование.

В этом контексте необходимо зафиксировать принципиальное для рассматриваемого подхода понятие психологической деятельности как слоя психологической культуры. Под психологической деятельностью понимается деятельность человека, направленная им на самого себя. Если описывать данное понятие с позиции теории деятельности, то можно сказать, что целью этой деятельности является внутренний психологический комфорт, психологическое здоровье, оптимальное взаимодействие с окружающими людьми; предметом является внутренний мир человека, а способами, средствами является рефлексия, самопознание, самообладание, переживание и т. д. Таким образом, человек по отношению к самому себе выступает как психолог, и психологическая деятельность может быть понята как деятельность по психологическому самообслуживанию.

Еще одним принципиальным моментом для обсуждаемого подхода является полагание психологической культуры не как некоторой особой субстанции, а как системы предписаний, норм, образцов, с помощью которых человек может разрешать свои жизненные задачи (Ю. Э. Краснов, 1992). В этом смысле переинтерпретация психологии как психологической культуры может строиться в идеологии полагания различных единиц психологической культуры (сам акт конструирования которых представляет собой проблему) как "своеобразных подпорок, приставок, своего рода костылей" (А. А. Пузырей) к психике, сознанию и т. д.

Принципиальным моментом для обсуждаемого проекта является противопоставление *психологической цивилизации* и *психологической культуры*. Психологическая цивилизация может интерпретироваться как технологизированная деятельность психолога, осредствленная современным арсеналом разного рода инструментария. "Цивилизация действует через стандарт – культура создает детали. Наука первая пошла на службу цивилизации", – писал М. Пришвин. В этом контексте, как отмечает В. П. Зинченко, человека в рамках цивилизационного подхода в психологии тоже можно рассматривать как вещь и манипулировать им как вещью. Психология в своей претензии на бытийствование как наука грешит этими цивилизационными установками по отношению к человеку. Но она (в определенной своей части) может быть описана и как психологическая культура, и тогда в центре размышления становятся проблемы ее гуманитарного и гуманистического характера, отношения психологии с этикой, моралью и религией. Сегодня можно зафиксировать большой крен в цивилизационный аспект. Нередко можно встретить такого профессионала психолога, который не заботится о гуманной стороне своей деятельности: стремление к манипуляции, к использованию своих психологических полузнаний для достижения каких-то целей, влияние на человека (но не в гуманном смысле слова). Например, известны случаи из практики, когда человека, у которого "на самом деле" нет проблем, после посещения психолога они появляются (внушаются, "наводятся" и т. д.). Нередко встречаются и феномены, когда психолог берется переинтерпретировать проблемы клиента в благоприятном для себя подходе (подходящем себе, а порой и в единственно известном). В этом контексте в рассматриваемом проекте развитие психологической культуры интерпретируется как задача возвращения психологии духовности, которую она утратила, пытаюсь ориентироваться на классический сциентистский идеал.

Различение двух уровней психологической культуры (доконцептуальной, житейской, спонтанной и концептуальной) позволяет в данном контексте рассуждений формулировать *цель психологического образования как формирование психологической культуры*. Речь идет о том, чтобы конструировать образовательную реальность как пространство выстраивания "мостиков" между тем опытом человека, в котором он выработал свою психологическую культуру, и концептуальным уровнем психологической культуры. Безусловно, данная стратегическая задача должна быть конкретизирована для разных субъектов психологического образования, что является перспективой для разработок в русле данного подхода.

Итак, культурологическая постановка проблемы психологического образования является сегодня современной, проблемной и перспективной, хотя необходимо отметить, что само понятие "психологическая культура" как всякое "живое понятие" (В. Зинченко) сегодня не рационализировано до конца, оставляет "невыговоренный остаток".